

УДК 94 (4)

МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1938 г. В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В. Ю. Куренков

Российский государственный гуманитарный университет

Статья посвящена одному из важнейших событий, предшествовавших Второй мировой войне, – Мюнхенскому соглашению 1938 г. Дан общий анализ российской и германской историографии Мюнхенского соглашения.

The article is devoted to the one of the most important events that preceded the Second world war, – the Munich agreement of 1938. General analysis of Russian and German historiography of the Munich agreement is given.

Ключевые слова: Мюнхенское соглашение 1938 г.; Пакт Молотова – Риббентропа 1939 г.; Вторая мировая война; историография.

Keywords: the Munich agreement of 1938; Molotov – Ribbentrop Pact of 1939; the Second world war; historiography.

Мюнхенское соглашение 1938 г., названное советскими историками «сговором», – одно из ключевых событий, предшествовавших Второй мировой войне. В последние несколько лет проявляется особый интерес к этой теме и у отечественных, и у западноевропейских исследователей. Особенно это стало актуально по случаю юбилея Соглашения в 2008 г. Трактовка события, произошедшего в столице Баварии 29 сентября 1938 г., не раз менялась в официальной историографии двух государств – России и Германии. По прошествии более чем 70 лет внушительный объем исследований, неоднократное изменение трактовок события позволяют сделать общий анализ российской и германской историографии Мюнхенского соглашения.

Интерес к Мюнхенскому соглашению и оценка той роли, которую оно сыграло в развязывании одного из крупнейших вооруженных конфликтов в мировой истории, возник практически сразу после окончания Второй мировой войны. Изначально обозначилось четкое расхождение в оценках. Это касается и роли Соглашения в развязывании войны, и, главным образом, оценок роли участников. Немалую роль в этом сыграло и идеологическое противостояние – с одной стороны Советского Союза и ГДР, с другой – ФРГ, и наличие целого ряда стереотипов и предубеждений у исследователей различных государств. Это касается и отечественной, и германской историографии, но, кроме того, и польской, и чешской и т.д. Проблема исследователей состояла главным образом в невозможности или в нежелании выйти за рамки национально-исторического и политического подхода в освещении проблем истории своего государства, подать общую картину всей ситуации, связанной с международной обстановкой в Европе в 1938 г., приведшей в итоге к подписанию Соглашения. Так, например, вплоть до 1970-х гг. во всей западной историографии в целом господствовало убеждение, что Мюнхенское соглашение представляло собой попытку избежать войны любой ценой. Примечательны слова Д. Эйзенхауэра, сказанные по этому поводу во время выступления перед Сенатом США 11 сентября 1958 г.: «Разве мы не помним, что слово «Мюнхен» означает напрасную надежду умиротворить диктаторов?.. В Европе умиротворение рассматривали как дорогу к миру. Демократические государства считали, что, если они попытаются остановить происходящие события, это будет означать войну. Но именно из-за этих повторных отступлений разразилась война» [1]. В многочисленных британских и французских исследованиях господствовал этот тезис о «трагической ошибке» западноевропейских держав, которые не совсем верно рассчитали стратегию по сохранению мира в Европе.

Особенностью германской историографии стал тот факт, что, во-первых, до 1970–80-х гг. ни в ФРГ, ни в ГДР практически не было написано ни одного исследования, посвященного конкретно Мюнхенскому соглашению. Работы западногерманских историков периода холодной войны посвящены прежде всего либо Второй мировой и ее предпосылкам, либо национал-социализму, его становлению и развитию (и уже в контексте этих событий упоминается тема «Мюнхена» [2]). Историография же ГДР в этот период полностью следовала советской концепции, многие работы переводились на русский язык и издавались в СССР в большом количестве [3]. Никаких различий и противоречий в оценках Мюнхенского стовора у советских и восточногерманских авторов не существовало. Также в западногерманских исследованиях проблема «Мюнхена» освещалась без фокусирования на составляющих конфликта – пограничных спорах между Германией и Чехословакией, на позиции Польши и Венгрии. Все внимание исследователей было обращено исключительно на Мюнхенскую конференцию. Документ, ставший итогом этой конференции, рассматривался однозначно как роковое решение Великобритании и Франции. Противоречий в этом вопросе у историков не возникало.

Во-вторых, на рубеже 1970–80-х гг. в историографии ФРГ происходит определенный прорыв. Были обобщены различные исследования как чехословацкой, так и германской стороны, посвященные отношениям двух государств [4], и к 1988 г., к пятидесятой годовщине Мюнхенского соглашения, был подготовлен сборник «Мюнхен 1938 год. Конец старой Европы» [5]. Он стал первым в ФРГ комплексным исследованием, посвященным соглашению в Мюнхене 1938 г., а главное – в статьях этого сборника подробно отражены предпосылки конфликта относительно всех стран-участниц. Подробно рассмотрена проблема Судетской области, из-за которой Германия предъявила территориальные претензии к Чехословакии 20 февраля 1938 г. [6]. Особое внимание отведено статусу национальных меньшинств в Чехословацкой республике в 1920–30-е гг. Авторы сборника пришли к выводу, что дискриминация судетских немцев в Чехословакии имела место и претензии А. Гитлера были теоретически обоснованы [7]. При этом ни один из авторов не пытался оправдать германскую политику в отношении соседа, что характерно для всей западной историографии второй половины XX в., юридическое осуждение нацизма не позволяло историкам проводить подобные концепции. Здесь лишь весьма характерна разница между исследователями из ГДР и из ФРГ. Если первые приходили к бескомпромиссному выводу, что претензии Гитлера к Чехословакии были беспочвенны и немецкие национальные группы в этом государстве чувствовали себя полноправно, то в западногерманской историографии в 1970–80-х гг. возобладали противоположная точка зрения.

В статьях историков П. Хоймоса и Р. Хильфа, опубликованных в вышеуказанном сборнике, особо ценным представляется объективный беспристрастный подход, попытка взглянуть на сложившуюся ситуацию с разных позиций, в том числе с позиции Чехословакии и Польши, а также с позиции немцев – жителей Судетской области [8]. Упоминаются факты, ранее германскими историками не афишировавшиеся. В частности, тот факт, что еще 16 февраля 1938 г. посланник Чехословацкой республики в Германии В. Мастный, беседуя с А. Гитлером, получил заверения от последнего, что никаких территориальных претензий Германия к Чехословакии не имеет. Но всего через четыре дня А. Гитлер выступил в рейхстаге с абсолютно иными тезисами.

В работе Р. Хильфа «Ценностные позиции «Мюнхена» в истории и современности» встречаются новаторские на тот момент формулировки: «Мюнхенское соглашение как завершающий акт в распаде французской континентальной системы безопасности»; «неудача прагматичной британской попытки сохранить европейское равновесие». В то же время встречается и трактовка Мюнхенского соглашения как «трамплина германской экспансионистской политики на Восток» – формулировка более характерная до этого для восточногерманских исследователей [9]. Общие выводы статьи Р. Хильфа таковы: все участники соглашения по-своему виноваты и в расчленении Чехословакии, и в том, что войны избежать не удалось; необходимо преодоление с обеих сторон «исторических трений и конфликтов, чтобы создать внешний и внутренний мир в Центральной Европе» [9].

Менее популярной в германской историографии стала тема советско-германского сближения, которое, по мнению ряда исследователей, началось уже с середины

1930-х гг. Эта версия, в частности, нашла отражение в статье М. Геллера «Аншлюс 1938 г. и реакция мира» [10]. По мнению автора, уже в ходе Мюнхенской конференции И. Сталин вел тайные переговоры с А. Гитлером о союзе. Версия эта была основана на письме, найденном в Национальном архиве США и адресованном в Госдепартамент. Почти никем из исследователей этот документ не был признан веским доказательством того, что какое-либо сближение имело место. Поэтому среди германских историков возобладало мнение, что предположение М. Геллера основано на косвенных уликах и не может претендовать на роль открытия в истории.

Немало внимания германскими исследователями стало уделяться и уделяется сейчас роли в Мюнхенском соглашении центральноевропейских государств – Польши, Венгрии, которые также выставили свои территориальные претензии к Чехословакии сразу после Германии. Историки Ф. Хабель, К. Мюллер посвятили этому свои монографии. Причем, если К. Мюллером этот вопрос освещался еще в 1980-е гг., то работа Ф. Хабеля была написана уже в объединенной Германии и послужила в некотором роде обобщающей как о Судетской проблеме, так и обо всех территориальных спорах, имевших место тогда между государствами Центральной Европы [11]. В этих работах подчеркивалась немалая роль, которую оказывали Венгрия и Польша в оказании давления на Чехословакию, обращалось внимание, что подобные настроения в польских и венгерских кругах всячески подогревались и поддерживались германским руководством. Надежные союзники требовались Третьему Рейху не только для успешного отторжения в свою пользу Судетской области, но и для будущей войны [12].

Таким образом, очевидно, что в последние двадцать – тридцать лет в германской историографии произошел прорыв в изучении периода, предшествовавшего Второй мировой войне в целом и Мюнхенского соглашения в частности. Новые концепции, попытки найти объективный подход к изучению проблемы получают все большее развитие.

Российская историография, как и германская, претерпела существенные изменения на рубеже 1980–90-х гг. Если на протяжении всего предшествующего периода холодной войны, начиная с 1945 г., отечественные исследователи были обязаны придерживаться строго одной концепции подхода к данной проблеме, то в связи с событиями, предшествовавшими распаду СССР в конце 1980-х гг. и определенными деполитизированным подход к освещению истории, появилась возможность взглянуть на события «Мюнхена» с иной стороны. Следует отметить, что, в отличие от Германии, в России даже после краха советской системы и исчезновения идеологического давления советская концепция «Мюнхена 1938 г.» не исчезла из авангарда исторических исследований и остается весьма актуальной вплоть до нынешнего времени. Интерес к теме Мюнхенского соглашения даже усилился в постсоветской России. Тема имеет множество исследователей и весьма широкую аудиторию.

В статье О. Павленко, опубликованной в сборнике «Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность», дано ярко выраженное определение советской концепции: «Общая картина разрабатывалась в условиях холодной войны, поэтому с самого начала образ Мюнхена в советской историографии имел выраженную идеологическую направленность. Он был призван заслонить последующие события 1939 г.» [13]. Мюнхенское соглашение рассматривалось советскими историками как разговор Великобритании и Франции против Советского Союза – первого в мире социалистического государства, а цель соглашения – сравить СССР с Германией, направить агрессию Гитлера на Восток. Интересно, что в работах советского периода этот тезис напрямую практически не высказывался. Основная мысль советской концепции зиждилась на двух постулатах: 1) СССР – единственное государство, сохранившее верность политике коллективной безопасности (официально советское руководство провозгласило ее в 1934 г. после вступления СССР в Лигу Наций), в то время как Франция и Великобритания попустительствовали агрессору; 2) Советский Союз, оказавшись в дипломатической изоляции осенью 1938 г., вынужден был отказаться от политики коллективной безопасности и заключить союз с Германией в 1939 г. Пакт 23 августа 1939 г., таким образом, преподносился как вынужденная мера. Великобритания и Франция сделали все возможное для

приближения войны, идя на уступки А. Гитлеру, а Советский Союз в свою очередь по мере сил войну оттягивал [14].

Статья А. Панкратовой в объемном послевоенном труде «История дипломатии» стала, по сути, первым в Советском Союзе исследованием Мюнхенского соглашения. Трактовка этого события, заложенная А. Панкратовой, стала основополагающей для советской историографии и практически не менялась вплоть до конца 1980-х гг. Впрочем, «История дипломатии» отличается от многих последующих исследований тем, что в ней приводится максимум ссылок и цитат и минимум интерпретаций авторов работы. Так, например, в работе приводятся полностью (правда, немного измененные при переводе) слова У. Черчилля, произнесенные в Палате общин вскоре после мюнхенских событий: «...Черчилль дал уничтожающую оценку деятельности англо-французской дипломатии: «Мы испытываем бедствия первостепенного значения, выпавшие на долю Великобритании и Франции <...> Сметен ряд союзов в Центральной Европе, на которые Франция опиралась для обеспечения своей безопасности <...> Англия должна была выбирать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить войну» [14]. В дальнейших исследованиях советских ученых эти слова тогдашнего члена Парламента и будущего премьер-министра Великобритании уже не приводились. Как известно, Черчилль жестко критиковал политику умиротворения Гитлера, проводившуюся правительством Чемберлена, и после заключения Мюнхенского соглашения сказал в Палате общин ставшую крылатой фразу: "You were given the choice between war and dishonor. You chose dishonor and you will have war..." («У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, теперь Вы получите войну» [15].

Общая концепция получила бурное развитие в многочисленных исследованиях, написанных в СССР в последующие годы [16]. Советскими историками была проделана огромная работа по подбору источников, переводу на русский язык многих материалов из архивов Германии, Чехословакии [17]. Многие из этих исследований, равно как и сборники документов, сыграют немалую роль в ходе изменения концепции в 1990-е гг.

Особенность нового витка в развитии российской историографии «Мюнхена» в постсоветский период, в 1990–2000-е гг., состоит в том, что каких-либо новых масштабных публикаций архивных материалов не произошло. Основные публикации, как уже было сказано, состоялись еще в период доминирования в исторической науке советской концепции. Значительную роль в изменении трактовок события сыграл тот факт, что внимание российских исследователей было переключено на тему Пакта Молотова – Риббентропа – секретного Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанного 23 августа 1939 г. со стороны СССР Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, наркомом по иностранным делам В.М. Молотовым, со стороны Германии – министром иностранных дел И. фон Риббентропом. Пакт, его анализ и оценка заняли одно из ключевых мест у российских исследователей, началась публикация ранее засекреченных документов, увидела свет принципиально новая для российской историографии точка зрения, в корне противоречащая предыдущей о «блестящем шаге советской дипломатии». Вновь была поднята тема секретных протоколов и т.д. [18].

В ходе ожесточенных дискуссий о Пакте Молотова – Риббентропа появились и новые интерпретации Мюнхенского соглашения. Впервые в отечественной науке были подняты вопросы о том, когда началось сближение Советского Союза и Германии, все ли возможности использовало Советское государство и западноевропейские державы, чтобы избежать «позора Мюнхена», какую роль в мюнхенских событиях сыграли «малые» государства Европы – Польша, Венгрия [19]. Исчезновение идеологической цензуры, существовавшей в СССР, появившаяся возможность открыто выражать свою исследовательскую позицию, разные точки зрения на какие бы то ни было исторические вопросы способствовали выработке новых концепций, возможности объективного освещения исторических событий.

Огромную роль в формировании нового системного подхода к изучению международной обстановки накануне Второй мировой войны и во время Мюнхенского соглашения в частности стало коллективное исследование «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным», вышедшее в 1999 г. Данный труд позволил систематизировать различные отдельные мнения, уже звучавшие до этого, но разрозненно. Авторы этого труда впервые в одном издании высказали мысль о том, что в рамках

Мюнхенского соглашения следует рассматривать не только позиции СССР, Германии и западноевропейских держав, но и позиции «малых» государств Центральной Европы – Польши, Венгрии, стран Балканского полуострова. Один из соавторов сборника В. Волков писал: «Особенно чувствительно реагировали на общеевропейские встряски малые и средние страны, становившиеся в той или иной форме объединениями сделок Великих держав. Чаще всего это были государства Восточной Европы, многие из которых лишь недавно обрели свою независимость <...> Каждый крутой разворот в мировой политике не только сотрясал страны Восточной Европы, но и побуждал их к ответным действиям, сказывался на их месте на международной арене, на их системе договорно-правовых отношений с великими державами и между собой» [20]. Впервые в отечественной историографии эта тема, тема «малых» государств Восточной, Юго-Восточной Европы, несостоявшейся в свое время «Малой Антанты», была поднята в контексте с событиями в Мюнхене в 1938 г.

Авторами сборника «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным» также впервые был подвергнут сомнению тезис о том, что СССР оказался в дипломатической изоляции после Мюнхена. В. Волков в своей статье высказал и мнение о том, что советское руководство неоднократно обращалось с предложениями к Германии о принятии советских военных заказов [21]. Правда, документальных материалов, подтверждавших это, у исследователей не было, следовательно, это утверждение пока так и остается в отечественной историографии как предположение. Тем не менее, эта версия получила развитие.

Вскоре после выхода вышеуказанного сборника увидела свет статья Д. Наджафова, в которой высказывалось утверждение, основанное, правда, снова на косвенных доводах, о том, что Советский Союз уже тогда, осенью 1938 г., готовил интригу с целью ослабить европейские государства и начать экспансию. По версии Д. Наджафова, СССР намеренно занял «благородную» позицию во время переговоров по Чехословакии, изображая преданного друга, готового выполнить союзнический долг с тем, чтобы, воспользовавшись хаосом, нанести удар неожиданно. «Время играло на руку Сталину, получившему долгожданный шанс выбрать момент, чтобы с шумом ворваться в европейскую политику» [22].

На рубеже 1990–2000-х гг. незаметно произошло некое подведение итогов предыдущих оживленных исторических дискуссий. Если в публикациях Д. Наджафова, В. Волкова, Л. Безыменского прослеживается концепция осуждения Советского Союза, подчеркивается лицемерие советского руководства и И. Сталина лично, то в более поздних исследованиях ощущается явный частичный возврат к советской концепции Мюнхена. М.И. Мельтюхов, автор одного из самых известных российских исследований, посвященных кануну Второй мировой войны, утверждает, в частности, следующее: «Каждое государство имеет право проводить любую внешнюю политику <...> СССР намеренно провоцировал международные конфликты, когда они отвечали его интересам, но его внешняя политика была сугубо реалистичной и была ориентирована на СССР и только на СССР» [23].

Ближе к середине 2000-х гг. исследователями все чаще начинает вспоминаться тезис о том, что целью западноевропейских держав было отнюдь не сохранение мира, а стравливание СССР с Германией. Эту мысль в 2008 г., к юбилею Мюнхенского соглашения высказали практически одновременно отставной офицер Службы внешней разведки Л. Соцков (накануне СВР были рассекречены архивы за 1937–1939 гг.) [24] и историк и политолог Н. Нарочницкая [25].

Данные утверждения представляют собой некое сочетание советской и постсоветской концепций изучения Мюнхенского соглашения. В отличие от исследователей советской эпохи современные авторы, разделяющие позицию Л. Соцкова и Н. Нарочницкой, пишут о планах западных держав стравить СССР и Германию вполне открыто. При этом почти всех авторов данной концепции отличает от советских то, что их не сковывает в рамках их исследования идеология. И если в первой половине 1990-х гг. для российских исследователей было характерно писать о Пакте Молотова – Риббентропа как о ключевом событии, а о Мюнхене как о прилегающем к нему событии, то с середины 2000-х гг. оценки некоторых из авторов изменились. Теперь именно Мюнхен трактуется как основное событие, приведшее человечество к мировой войне. Вот как это определяет Н.А. Нарочницкая: «Га-

рантировано, сейчас последуют обвинения в том, что этот пакт и был началом Второй мировой войны, равно как и ее главной причиной. Но на самом деле именно Мюнхенский стовор был первым абсолютным сломом всей системы международных отношений и началом крупномасштабного передела европейских границ, который только потом перешел в кровавую стадию» [25].

Помимо концепции стравливания Гитлера со Сталиным в современной российской историографии имеется явная тенденция в большинстве работ, посвященных Мюнхенскому соглашению, рассматривать роль Польши [26]. Взаимоотношения двух государств также сыграли не последнюю роль в развитии событий. Тенденция, начавшаяся еще в работах 1990-х гг. – говоря про «Мюнхенский стовор», освещать также роль стран Восточной и Юго-Восточной Европы – продолжает развиваться в исследованиях сегодняшних. Публикация новых документов из архивов Службы внешней разведки, возможно, подогрела интерес к теме Мюнхена как пролога ко Второй мировой войне.

Таким образом, представляется, что формирование концепций российской историографии Мюнхенского соглашения последних 20 лет еще не закончено. Возможно, что наблюдаются тенденции к появлению каких-либо новых доктрин и направлений в изучении данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S. News and World Report, 19 September 1958. P. 108-109.
 2. Picard M. Hitler in uns selbst. Erlenbach – Zürich, 1946; Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1947; Winkler H.A. Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus. Köln, 1972.
 3. См., напр.: Штерн Л. Главные тенденции реакционной историографии второй мировой войны // Проблемы истории второй мировой войны. М., 1959; Далем Ф. Накануне второй мировой войны. 1938 – август 1939. Воспоминания. Т. 1. М., 1982.
 4. Bruegel J.W. Tschechen und Deutsche 1918-1938. Muenchen, 1967; Letzter Versuch zum deutsch-tschechischen Ausgleich. Muenchen, 1987.
 5. Muenchen 1938. Das Ende des alten Europa. Hrsg. Von Peter Glotz, Karl-Heinz Pollok, Karl Schwarzenberg. Essen, 1990.
 6. Марьина В.В. «Мюнхен» и конец первой чехословацкой республики (По документам чешских архивов). Сайт «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/hisrory/miunhen_i_konec_pervoioy_-_chehoslovackoiy_respubliki_po_dokumentam_cheshskih_arhivov_2008-9-23-40-41.htm (дата обращения: 20.12.2012).
 7. Hilf Rudolf. Der Stellenwert von "Muenchen" in Geschichte und Gegenwart // Muenchen 1938. Das Ende des alten Europa. S. 445-463.
 8. Neumos P. Struktur der Ersten Tschechoslowakischen Republik im Verhaeltnis zur Grundidee der westlichen Demokratie // Muenchen 1938. Das Ende des alten Europa. S. 1-27.
 9. Hilf R. Ibid. S. 458, 461.
 10. Gehler M. Der "Anschluss" von 1938 und die internationalen Reaktionen // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bohn, 1988. № 9. S. 37-46.
 11. Habel F.-P. Eine politische Legende: Die Massenvertreibung von Tschechen. München, 1996. S. 133.
 12. Mueller K. General Ludwig Beck. Studien und Dokumente zur politisch-militaerischen Vorstellungswelt und Taetigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933-1938. Vorpard, 1980. S. 98.
 13. Павленко О.В. Историографический образ «Мюнхена 1938 года» и проблемы исторической памяти // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 15-16 октября 2008 г. / сост. Ю.М. Коршунов; под ред. Н.С. Лебедевой, М. Волоса. М., 2008. С. 388-408.
 14. Панкратова А.М. Захват Австрии и расчленение Чехословакии // История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. Т. 3. Гл. 24. М.; Л., 1945. С. 645-646.
 15. URL: <http://www.nationalchurchillmuseum.org/world-war-ii-churchill-quotes.html> (дата обращения: 24.01.2013).
 16. Фальсификаторы истории. М., 1948; Матвеев А.А. Провал мюнхенской политики (1938-1939 гг.). М., 1955; Поляков В.Г. Англия и мюнхенский стовор (март – сентябрь 1938 г.). М., 1960.
-
-

17. Das Abkommen von München 1938. Praha, 1968; München 1938. Dokumente sprechen. München, 1963.
18. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы / сост. Ю. Фельш-тинский. М., 1991; Хавкин Б. К истории публикации советских текстов советско-германских секретных документов 1939–1941 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2007. № 1. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss7.html> (дата обращения: 21.12.2012).
19. Чубарьян А. Была ли возможность создать антигитлеровскую коалицию раньше? // Проблемы мира и социализма. 1989. № 8. С. 30–34; Волков В.К. Мюнхен: и стовор, и капитуляция // 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 108–145.
20. Волков В.К. Страны Европы в водовороте событий накануне второй мировой войны // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / под ред. В.К. Волкова, Л.Я. Гибианского. М., 1999. С. 1.
21. Там же. С. 49.
22. Наджафов Д.Г. СССР в послемюнхенской Европе: октябрь 1938 – март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 80.
23. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. СССР и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). Изд. 2-е. М., 2002. С. 14. (изд. 1-е – М., 2000).
24. Соцков Л. Цель мюнхенского стовора – повернуть Гитлера на восток // Известия. 2008. 30 сент. С. 1–2.
25. Наталия Нарочницкая: «Запад не хотел, чтобы после Мюнхена Гитлер остановился». 10.10.2008 г. URL: http://ei1918.ru/foreign_history/posle_mjunhena.html (дата обращения: 10.07.2012).
26. Марьина В.В. Еще раз о «Мюнхенском стоворе» (Новые документы из чешских архивов) // Славяноведение. 2006. № 3; Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека? М., 2004.

Поступила в редакцию 24.07.2012 г.
Принята к печати 21.03.2013 г.